

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.10>

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК "ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ" (НА ПРИМЕРЕ "НАСЛЕДОВАНИЯ" И. БРОДСКИМ "ТЕКСТА" А. АХМАТОВОЙ)

В статье в рамках разрабатываемой авторами метадисциплинарной теории исследуется парадоксальная для традиционного литературоведения ситуация "поэтического наследования" И. Бродским традиции А. Ахматовой. Используя оригинальную теоретическую и методологическую модель, авторы показывают, как возможна передача в культуре "текста субъекта" в его общезначимости и уникальности одновременно. Как "конгениальный" Ахматовой (субъекту-источнику) субъект-интерпретатор, Бродский не заимствует ее модель "Поэта в Истории", но оказывается единственным, кто способен полноценно усвоить ее, "наполнив" собственной судьбой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 264-267. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82; 008:361

Дата поступления рукописи: 26.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.10>

В статье в рамках разрабатываемой авторами метадисциплинарной теории исследуется парадоксальная для традиционного литературоведения ситуация «поэтического наследования» И. Бродским традиции А. Ахматовой. Используя оригинальную теоретическую и методологическую модель, авторы показывают, как возможна передача в культуре «текста субъекта» в его общезначимости и уникальности одновременно. Как «конгениальный» Ахматовой (субъекту-источнику) субъект-интерпретатор, Бродский не заимствует ее модель «Поэта в Истории», но оказывается единственным, кто способен полноценно усвоить ее, «наполнив» собственной судьбой.

Ключевые слова и фразы: И. Бродский; А. Ахматова; когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности; прецедентный текст; антропоцентрическая (когнитивная) парадигма; текст субъекта; система «субъект-источник – субъект-интерпретатор».

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская Народная Республика

Ивановский государственный университет

Ivan610@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н.

Ивановский государственный университет

lakomotion@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК «ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ» (НА ПРИМЕРЕ «НАСЛЕДОВАНИЯ» И. БРОДСКИМ «ТЕКСТА» А. АХМАТОВОЙ)

Данные предварительные замечания к большому вопросу, имеющему как теоретическое, так и практическое измерение, продиктованы поэтапным переосмыслением авторами традиционных литературоведческих категорий с позиций антропоцентрической (когнитивной) парадигмы лингвистики (и шире – лингвоориентированного гуманитарного знания) (см., напр.: [8; 9; 11]). Такова, например, метадисциплинарная теория синтетической языковой личности (СЯЛ), не только в деталях раскрывающая, как именно возникает и работает авторский художественный синтетический текст в рок-культуре, но и предлагающая общую теоретическую и методологическую модель, главное отличие которой от привычных моделей литературной социологии и семиотики культуры – возможность искажениями прочесть не только типичное, но и (в первую очередь!) индивидуальное. Ведь СЯЛ – по сути, семиотически понимаемый *текст субъекта в культуре*, оформленный как перевоплощенный (в вербальном, аудиальном, сценическом, жизнеповеденческом – любом пространстве) когнитивно-прагматический след его уникального творческого / житнетворческого «я». Соответственно, эта модель пригодна для адекватного прочтения любых (особенно нестандартных) писательских дискурсивных ситуаций («уличный», «политический», «квартирный» или «стадионный» формат поэтического слова, феномен «потаенного» писателя, вся авангардная традиция, всегда – житнетворческий путь гения-мифотворца). Смысл же *текста субъекта* (СЯЛ) воплощает *когнитивно-прагматическая программа* (КПП) – целостная система когнитивно-прагматических установок (КПУ), имеющая сложную динамичную структуру, в рамках которой происходят усвоение, трансформация и развитие базовых (коллективных и индивидуальных) «чужих» программ. Возможности этого нового моделирования можно проиллюстрировать на примере одной «полупризнанной» в истории литературы ситуации «поэтического наследования» (И. Бродский в общении с А. Ахматовой).

Сложность данного «текста наследования» заключается в его неуловимости привычными моделями, зыбкости – при совершенно ясно и четко определенных различиях поэтики и стиля до противоположности (минимализм тропов, простота синтаксиса, бедность рифм и ритмики, лапидарность у Ахматовой – насыщенность тропами, изощренный сложный синтаксис, богатство ритма и рифмы, «лавинообразность» длинных текстов Бродского) (см., напр.: [18; 22]). Один из авторов данной статьи, однако, еще в 2000 году указал путь к разрешению этой проблемы [17]. Возврат к ней объясним отсутствием как прогресса в данном направлении, так и корректных литературоведческих моделей для подобных ситуаций (в том числе и у самого автора на тот момент).

Нобелевский лауреат Ч. Милош в 1980 году глубоко и пронизательно охарактеризовал «величественный замысел», стоящий за стихотворениями И. Бродского, по сути, «сверхзадачу» художника, как «попытки утвердить место человека во враждебном мире. Вопреки преобладающим в наше время тенденциям, он верит в то, что поэт, прежде чем обращаться к последним вопросам, должен соблюдать некий кодекс. Он должен быть богобоязненным, любить свою страну и родной язык, полагаться только на свою совесть, избегать союзов со злом и не порывать с традицией» [19, с. 239]. Ни забывать, ни высмеивать эти правила нельзя – их усвоение есть «посвящение в святое ремесло» [Там же]. Л. Лосев, анализируя неоднозначную историю со стихотворением И. Бродского «Народ» и реакцию на него А. Ахматовой, подчеркивает сразу два момента: 1) иной по сравнению с окружающими «моральный и эстетический уровень Ахматовой и Бродского»; 2) «подобного

серьезного и высокого представления о предназначении поэта Ахматова среди младшего поколения не встречала» [18]. Приводя также признание петербуржца-эмигранта В. Вейдле, Л. Лосев задается почти риторическим вопросом: «Что же такое было в молодом человеке с оставляющими желать лучшего манерами, что заставило хранителей памяти о последнем свободном периоде русской культурной истории распознать или интуитивно почувствовать в нем реинкарнированного Поэта Серебряного века?» [Там же]. «Почти» – поскольку в последней сноске словно бы нехотя отмечает: «Модель образа поэта, общую в творчестве и жизненном поведении Ахматовой и Бродского, выстраивает Д. Лакербай...» [Там же]. Не вдаваясь в причины, по которым наша тогдашняя модель оказалась невостребованной, укажем на ее слабое место – Л. Лосев, как и приличествует литературоведу, интерпретирует ее как «модель *образа* поэта», а *образ*, как хорошо известно, может находиться с самим творящим субъектом в любых отношениях, нерелевантен для точного моделирования. Появление теории СЯЛ / КПП полностью меняет ситуацию. Здесь необходимо теоретическое отступление.

Создавая свою классическую теорию языковой личности (развитием которой и является теория СЯЛ), Ю. Н. Караулов большое внимание уделил явлению прецедентности в культуре, дав этому феномену максимально широкое определение: «Назовем прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [12, с. 216]. Детализация механизма прецедентности привела к известному сужению (локализации) проблематики – исследованию прецедентных высказываний, ситуаций и имен (см., напр.: [5; 14; 20]). Однако, поскольку суть самой теории прецедентности «сводится к признанию наличия в каждой культуре фонда характерных языковых знаков, составляющих ядро данной культуры и способных кодировать и хранить культурную информацию, знания и опыт членов одного лингвокультурного сообщества, а также актуализировать данный опыт в текстах» [13, с. 87-88], речь идет прежде всего не об объекте, а именно о *механизме культурного наследования*, что позволяет исследователю движение и в другую сторону – к расширению его смысла (тем более что сам Ю. Н. Караулов включал в число прецедентных и невербальные феномены), с одновременной переакцентировкой с *типичного* (например, «национального культурного фонда») на семиотически значимое *индивидуальное*. Основания для такого переключения содержатся в самом антропоцентрическом (когнитивном) подходе: ведь когнитивная лингвистика устанавливает корреляции процесса познания мира, структур сознания / знания и языковых структур (см., напр.: [15; 16]); язык выступает как когнитивный механизм для кодирования и трансформирования информации. Теория СЯЛ / КПП, исходя из того, что в качестве «языка» и «текста» способен функционировать любой значимый культурный объект, развивает представления о языковой личности как «своеобразной субъектной полисемиотической единице, функционирующей в метадискурсивном пространстве культуры» [11, с. 51]; специфическая уровневая структура СЯЛ (вербально-семиотический, когнитивно-прагматический и ассоциативно-интерпретационный уровни) позволяет моделировать гетерогенный по зонам дискурсивности (например, вербальный и поведенческий одновременно) культурно значимый «текст субъекта» именно как индивидуальный – *неповторимо-уникальный* в качестве *собственного* текста, *но усваиваемый* реципиентом на ассоциативно-интерпретационном уровне в качестве *интерпретируемой модели* (система *субъект-источник – субъект-интерпретатор*). Такое моделирование возможно потому, что основные его параметры задает когнитивно-прагматическая программа субъекта-источника (КПП СЯЛ субъекта-источника) – своего рода «позвоночник» СЯЛ.

Данная теория позволяет не просто «пролить свет» на механизм прецедентной передачи уникального *текста субъекта*, но и адекватно моделировать весь процесс, исключив или конкретизировав все более-менее приблизительные чисто литературоведческие дефиниции наподобие «образа поэта», «жизнетекста», «автобиографического мифа» и т.п. Ведь если на уровне поэтического стиля, как показала В. Полухина, обнаруживаются скорее принципиальные расхождения, подчеркнутые обоими поэтами [22, с. 151], а за пределами вербальных текстов весьма неопределенно акцентируются «духовное влияние», «нравственные уроки» и т.п. (свидетельство Бродского: «На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и необычайной щедрости, от нее исходивших» [4, с. 256]), то требуется установить, *что же и как именно* «наследует» Бродский и *только* Бродский (поскольку воздействие Ахматовой распространяется как минимум на весь пресловутый «волшебный хор» молодых людей, удостоившихся регулярного общения с ней), какие глубинные структуры ахматовского опыта он *один* и оказался в состоянии воспринять в полном масштабе.

Согласно нашим представлениям, «прецедентным текстом», к усвоению-интерпретации которого оказался способен только Бродский, в данном случае выступает КПП СЯЛ Ахматовой в ее итоговом, модельно-обобщенном самом поэтом варианте (тот самый «автобиографический миф» для аудитории, поскольку жизне-творчество и мифотворчество Ахматовой в науке давно общепризнанны). Это завершающая, даже «эпilogическая» стадия существования КПП, когда многое переживший поэт на восьмом десятке лет вдруг обнаруживает, что в глобальной ситуации разрыва культурной преемственности с Серебряным веком возникают отдельные связующие нити с представителями первого «неформального» советского поколения – и, как не просто носитель уникальной культурной информации, но один из главных «авторов» самой культурной эпохи, начинает транслировать по доступным каналам связи (личное общение) свой отрефлектированный и смоделированный опыт. Транслирует для *всех* участников общения – но главное, глубинное, в нем, «вакансию поэта» (прибегнем к пастернаковскому определению Места поэта в истории [21, с. 212]), способен воспринять лишь *один*.

Как нам уже не раз доводилось писать, юным Бродским в качестве исходной КПП была полуинтуитивно избрана «универсальная метанарративная программа Поэта-избранника / изгоя, автоматически актуализирующая

неомиф Судьбы Поэта в культуре, вне зависимости от прямых намерений автора» [10, с. 24]. Художественная вселенная Бродского во многом явилась результатом настойчивого осмысления собственной Судьбы Поэта – навстречу обстоятельствам поднялась мощная биографическая и автобиографическая легенда, так же, как и ахматовская, получившая по отношению к русской поэтической культуре «завершающий» характер.

Это «наследование» никак нельзя свести к той или иной форме благодарности, признательности «за науку». Образ Ахматовой и образ ее поэзии участвуют в оформлении краугольных положений философии и эстетики Бродского – достаточно вспомнить стихотворение «На столетие Анны Ахматовой», совмещающее программную эпитафию и вариант авторского, поэтического манифеста, где концептуализированы судьба поэта, природа его голоса, плата за обретение дара речи «в глухонемой вселенной» [2, с. 58]. А в эссе об Ахматовой формулируется принципиальнейшее: «В определенные периоды истории поэзия – и только она – оказывается способной иметь дело с действительностью, придавая ей форму, позволяющую ее осознать и удержать в сознании» [3, с. 41-42]. Речь идет о возвращении миру – смысла, человеку – духовной опоры, поэту – высшей санкционированности искусства. Явно восходят к Ахматовой (*в том числе* и к Ахматовой) темы времени, памяти, культуры, внимание к классическим поэтическим формам. В исключительно важный для каждого из них период, на очередном сломе исторического времени, со стороны Ахматовой очевидна готовность к той или иной форме передачи *уже обобщенного* в творчестве и судьбе грандиозного трагического опыта; со стороны Бродского – идущее просто ураганным темпом поэтическое становление, готовность к впитыванию и претворению *текста субъекта*.

Диалог поэтов разворачивается на многих уровнях, и зацитированное высказывание о «величии замысла» не потеряло от этого своей значимости, особенно если обратить внимание на его контекст. Оно дважды повторено в ахматовских письмах и названо «спасительным», а рядом – упоминание о заочных «бесконечных беседах, ведущихся днем и ночью», о чтении дневников Кафки, лаконичное признание об отсутствии зависти к стихам на смерть Элиота: «Наоборот – мне даже светло от мысли, что они существуют» [6, с. 222-224]. Разговор идет о *творчестве как таковом*, притом это разговор посвященных, высокая эзотерика, делающая ненужными и невозможными подробные объяснения: и «Светло» и «спасительно» в стихах и позиции Бродского (*важнейших* стихах и *принципиальной* позиции) для Ахматовой именно то, что владеет ими обоими и на что она откликнулась всем своим существом поэта. Бродский отмечал: «Когда она говорит, слова в общем-то не значат то, что они значат, а как бы указывают на свое значение, а за всем этим – не передаваемый в стихах опыт. <...> Когда вы читаете Мандельштама, он весь в стихотворении. <...> С Анной Андреевной другое – как бы внимательно вы ее ни читали» [1, с. 72]. Бродский указывает: Ахматова для него «не вся в стихотворении» – последнее составляет лишь часть символических структур, обозначающих какую-то грандиозную правду существования, судьбы, эпохи. Об этой Истине, в которой сами стихи – лишь один из ориентиров, дефиниции типа «нравственные уроки» лишь *сигнализируют*. А вот «величие замысла» можно считать ее символическим обозначением – ощутив главный ахматовский «опыт», Бродский как бы *возвращает его уже поименованным*, что Ахматова с благодарностью принимает и что дает ей дополнительную опору.

В рамках традиционного литературоведения ситуация парадоксальна: при очевидности факта «наследования» его смысл неясен; «текст» не исчерпывает взаимоотношений Ахматовой и Бродского и требует выхода за свои пределы, но семиотика культуры не может объяснить «наследование» *именно и только* Бродским, поскольку не моделирует индивидуальное. А вот теория КПП СЯЛ способна учесть все семиотически проявленные структуры универсума Ахматовой как программный «месседж» уникального субъекта-источника; для полноценной расшифровки и авторской интерпретации этого «месседжа» (он же прецедентный текст) понадобился конгениальный субъект-интерпретатор.

И в судьбе Ахматовой, и в судьбе Бродского ярко воплотилась жизнетворческая стратегия русского модернизма, доводящая до предела, по выражению А. К. Жолковского, «магистральный монархо-поэтический миф русской литературы» [7, с. 68], т.е. равномасштабность категорий поэта и властителя. Речь идет об осознанной стратегии, осознанном выборе судьбы, и легко заметить, что жизнетворчество в таком случае не только не изживается, но, напротив, «усугубляется», становится онтологически-тотальным, как стратегия властного сотворения себя, стихов и биографии одновременно. И ведь именно ахматовский вариант построения судьбы художника, отсечения всего случайного в заранее безнадежном, но неизбежном противостоянии «Настоящему Двадцатому Веку» был у Бродского, что называется, перед глазами и воспринимался в качестве высшего этического эталона (не просто «нравственные уроки», но сама судьба Ахматовой-поэта, в единстве жизни и стихов).

Можно ли заимствовать такую судьбу? Конечно же, нет. Можно ли усвоить ее как образец для подражания? Да, но вряд итогом будет явление масштаба Бродского. А вот обладатель «соразмерных» ахматовским мужества, таланта и бескомпромиссности способен при определенных условиях осуществить свой *собственный* выбор – этический, эстетический, экзистенциальный – в тех же или сходных координатах, наполнить «модель» *собственной* судьбой.

Расширив контекст сопоставления до ахматовского варианта жизнетворческой стратегии – стратегии *выбора Судьбы Поэта и ответа собой на вызов обезчеловеченного мироздания*, мы задаем поиск констант, общих для обоих поэтов, а затем возвращаемся к ситуации «наследования» как многомерному культурному диалогу субъекта-источника и субъекта-интерпретатора, в процессе которого происходит усвоение-интерпретация «прецедентного текста» Поэта в Истории, причем личностно-творческая уникальность «источника» порождает соответствующую уникальность «наследника» – это обеспечивается контактом уникальных СЯЛ, обладающих способностью порождать именно индивидуальный, глубоко субъектный отклик на субъектный месседж. А КПП СЯЛ раскрывает нам самую суть уникальности творческой личности, когнитивно-прагматическое «ядро» ее творческого (жизнетворческого) существования.

Теория КПП СЯЛ компенсирует тот известный недостаток традиционного литературоведения, который своеобразно признал Л. Лосев в уже цитированном докладе. Разбирая ситуацию «Ахматова – Бродский», он отметил: «Кажется также, что литературоведу здесь делать нечего. Литературоведение, по крайней мере то, в канонах которого мы воспитывались, познает литературные связи именно через анализ стихосложения. Оно не знает понятий “душа”, “душевное”, “духовное”» [18], – но далее сам же приходит к совершенно точным выводам относительно продолжения и завершения Бродским великой традиции Поэта (и узнавания Ахматовой этой традиции именно в Бродском). Теория КПП СЯЛ снимает противоречие между «литературоведу здесь делать нечего» и многомерностью традиции, на *новом модельном уровне* ввода Бродского в тот самый ряд поэтов-мифотворцев, синтетический текст которых в *обязательном порядке* включает в себя отрефлексированную и ставшую *в итоге* отдельным, реципиентным текстом культуры Судьбу Поэта.

Список источников

1. Айзпурниете А. Беседа с Иосифом Бродским // Родник. 1990. № 3. С. 72-73.
2. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 4 / общ. ред. Я. А. Гордин, сост. Г. Ф. Комаров. 432 с.
3. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 5 / общ. ред. Я. А. Гордин, сост. Г. Ф. Комаров. 376 с.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1998. 327 с.
5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
6. Диалог поэтов (три письма Ахматовой к Бродскому) / публ. Я. Гордина // Ахматовский сборник 1. Париж: Институт славяноведения, 1989. С. 222-224.
7. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 428 с.
8. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
9. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2017. Т. 2. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: компонентная структура, система концептов (на материале русской рок-культуры). 296 с.
10. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Логоцентрическая программа языковой личности И. Бродского: предварительные замечания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 1. С. 24-27.
11. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
13. Косиченко Е. А. Лингвосомиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): дисс. ... д. филол. н. М., 2017. 378 с.
14. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
15. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
17. Лакербай Д. Л. Ахматова – Бродский: проблема преемственности // Иосиф Бродский и мир. Метафизика, античность, современность. СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2000. С. 172-184.
18. Лосев Л. Ахматова и Бродский [Электронный ресурс]: доклад на открытии colloquium «Иосиф Бродский и циркуляция поэзии», Стэнфордский университет, Калифорния, 23 февраля 2001 г. URL: http://www.all-art.org/literature/brodskij/brodskij%20and_ahmatova.htm (дата обращения: 14.04.2018).
19. Милош Ч. Борьба с удущем // Иосиф Бродский: труды и дни / ред.-сост. П. Вайль и Л. Лосев. М.: Независимая газета, 1998. С. 237-247.
20. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. 313 с.
21. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. Т. I. Стихотворения и поэмы 1912-1931 / сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; предисл. Л. С. Флейшмана. 576 с.
22. Полухина В. Ахматова и Бродский (к проблеме притяжений и отталкиваний) // Ахматовский сборник 1. Париж: Институт славяноведения, 1989. С. 143-153.

**COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM OF A SYNTHETIC
LINGUISTIC PERSONALITY AS “PRECEDENT TEXT”
(BY THE EXAMPLE OF J. BRODSKY’S “INHERITANCE” OF AKHMATOVA’S “TEXT”)**

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, People’s Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

Within the framework of the metadisciplinary theory developed by the authors the article examines the situation of A. Brodsky’s “poetic inheritance” of A. Akhmatova’s tradition, which is paradoxical for traditional literary criticism. Using the original theoretical and methodological model the authors show how the “text of the subject” can be transmitted in culture in its universality and uniqueness simultaneously. As “congenial” to Akhmatova (subject-source), the subject-interpreter Brodsky does not borrow her model of “The Poet in History”, but he turns out to be the only one, who can fully absorb it, “filling” with his own destiny.

Key words and phrases: J. Brodsky; A. Akhmatova; cognitive-pragmatic program of synthetic linguistic personality; precedent text; anthropocentric (cognitive) paradigm; subject text; system “subject-source – subject-interpreter”.